

ЕЩЕ РАЗ О ПРЕПОДАВАНИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

В.Л. ТАМБОВЦЕВ,

доктор экономических наук, главный научный сотрудник,
экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия,
e-mail: tambovtsev@econ.msu.ru

Статья посвящена критическому анализу двух тем, часто упоминаемых в учебно-методических материалах по институциональной экономике: характеристике институтов как общественных благ и содержанию принципа методологического индивидуализма. Показана неточность ряда трактовок, встречающихся в учебно-методических материалах, обосновываются корректные понимания обоих названных понятий. Институты не являются общественными благами, поскольку для них не выполняются оба признака последних: доступ к действию по правилу может быть легко ограничен (например, лица, не являющиеся гражданами страны, не могут участвовать в выборах); институты конкурентны в использовании в силу ограниченной пропускной способности их гарантов. Таким образом, корректно характеризовать институты как клубные блага с насыщением. Методологический индивидуализм часто путают с предпосылкой эгоизма экономических агентов и с их «атомизацией», т. е. независимостью агентов от социальной среды. Прямые цитаты из М. Вебера, Л. фон Мизеса, Дж. Бьюкенена и др. показывают, что такие отождествления некорректны. Методологический индивидуализм – это принцип, согласно которому единственным актором в экономике является индивид, только он может иметь цели и интересы, а также совершать действия.

Ключевые слова: институциональная экономика; институты; общественные блага; методологический индивидуализм.

ONCE AGAIN ON THE INSTITUTIONAL ECONOMICS' TEACHING

V.L. TAMBOVTSEV,

Doctor of Economics, Senior Staff Scientist,
Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics, Moscow, Russia,
e-mail: tambovtsev@econ.msu.ru

The paper is devoted to the critical analysis of two topics that are often noticed in the teaching and learning aids on institutional economics: qualification of institutions as public goods, and principle of methodological individualism content. It is shown that some part of teaching and learning aids includes irrelevant representations of these topics. Accordingly the correct treatments of the named topics are suggested. Institutions are not public goods because both attributes of the last one are violated: institutions are excludable since the access to the actions that institution presumes can be easily restricted (for example, persons that are not citizens of a country cannot participate in elections); institutions are rivalrous since the limited capacity of the enforcer. So strictly speaking institutions are congested club goods. Methodological individualism is frequently confused with selfishness and «atomization», i.e. agents' independency from social environment. Direct citation of M. Weber, L. von Mises, J. Buchanan et al. clearly shows that it is not the case. Methodological individualism is the principle that asserts that only actor in economy is individual; only individual can have goals and interests, and be subject of action.

Keywords: institutional economics; institutions; public goods; methodological individualism.

JEL classifications: A23, B52, D02, H41.

Введение

Более десяти лет назад я имел честь быть опубликованным на страницах журнала *TERRA ECONOMICUS* со статьей, посвященной проблемам преподавания институциональной экономики в российских вузах (*Тамбовцев, 2004*). За прошедшие годы в организационном плане ситуация существенно изменилась к лучшему. Если в начале 2000-х гг. такие курсы читались лишь в некоторых вузах, то в настоящее время они вошли в состав обязательных, отражены в различных стандартах и т. п., возникли типовые программы, учебники, учебные пособия, методические комплексы – в общем, все то, что сопровождает вполне устоявшиеся учебные дисциплины.

Однако на этом фоне успешного развития преподавания институциональной экономики ряд содержательных моментов продолжает оставаться весьма проблемным. При этом я вовсе не имею в виду несоответствие исследовательских позиций авторов читаемых курсов, скажем, сторонников традиционной и новой институциональной экономической теорий: все теоретические направления внутри институциональной экономики, если они помогают изучать окружающую нас реальность, имеют право на существование, рост и процветание. Я имею в виду нечто иное: наличие в целом ряде методических материалов повторяющихся утверждений, которые по сути своей неверны, причем эта их особенность, по-видимому, не осознается значительным числом преподавателей, продолжающих включать эти неверные утверждения в свои программы, планы и лекции.

Отнюдь не претендуя на сколько-нибудь полный анализ содержания методических материалов, – я провел лишь выборочный анализ текстов, представленных в интернете, – остановлюсь только на двух сюжетах, которые представляются значимыми для корректного обеспечения у учащихся требуемых компетенций. Первый касается трактовки институтов как общественных благ, второй – содержания принципа методологического индивидуализма, являющегося важным компонентом оснований новой институциональной экономической теории (НИЭТ).

Являются ли институты общественными благами?

Квалификацию институтов как общественных благ можно встретить в нескольких учебно-методических материалах, например, в программе НИУ ВШЭ по институциональной экономике для социологов (*Полищук, Борисова, 2012. Тема 1.3*), в методических материалах Е.А. Смирновой (*Смирнова, 2012. С. 5*) и Е.П. Даниловой (*Данилова, 2013. С. 12*), в учебном пособии Т.А. Завьяловой (*Завьялова, 2010. С. 21*) и др.

Для того, чтобы определить, кому принадлежит пальма первенства в трактовке институтов как общественных благ, необходимо специальное библиографическое исследование. Отнюдь не претендуя на проведение такового, отмечу, что с большой вероятностью впервые институты (и законы) были охарактеризованы как общественные блага Дж. Бьюкененом, назвавшим их предпосылками рыночной координации, которые должны быть установлены посредством политического действия (*Buchanan, 1976. P. 277* [Op. cit.: *Elsner, 1989. P. 191*]). Развернутая характеристика институтов и культур как общественных благ была дана С. Корнеллом и Дж. Колтом в начале 1990-х гг. (*Cornell and Kalt, 1990; 1992*). Позже с аналогичными положениями выступили А.Е. Шаститко (*Шаститко, 1996; 1997. С. 70–73*), Т. Коуэн (*Cowen, 2002*) и многие другие авторы.

Наиболее известной среди этих публикаций является статья Р. Познера и Э. Расмусена, которые утверждают: «Норма – это общественное благо. Хотя можно представить себе и исключения, но обычно нормы неконкурентны, поскольку с ростом числа использующих норму издержки не растут; они также неисключаемы, поскольку люди, не участвующие в принуждении их к исполнению, не могут быть исключены из [получателей] выгод [от их существования]. Нормы, следовательно, пребывают в опасности быть недопроизведенными. По той же причине, однажды установленную норму трудно изменить, изменение нормы – это тоже общественное благо» (*Posner and Rasmusen, 1999. P. 377*). Приведенные положения дополняет Т. Коуэн: «Принуждение многих норм к исполнению – это общественное благо. Успешное принуждение обеспечивает выгоды многим членам общества, хотя включает частные издержки гаранта (norm enforcer). Почему тогда нормы соблюдаются? Почему каждый возможный гарант не надеется на усилия других, ведя себя как фрирайдер, и не участвует в принуждении нормы к исполнению?» (*Cowen, 2002. P. 211*).

По нашему мнению, приведенные суждения, правильно отражая содержание некоторых проблем, используют при этом не только некорректную терминологию, но и неточные аргументы. Например, Р. Познер и Э. Расмусен ссылаются на отсутствие роста издержек с ростом числа адресатов нормы, причем речь, вероятно, идет об издержках принуждения к исполнению. Это верно, если иметь в виду только неформальные институты, однако неверно для формальных институтов, поскольку

«пропускная способность» специализированного механизма принуждения соответствующих правил к исполнению *ограничена*, и рост числа адресатов ведет либо к снижению уровня защиты правила, либо к росту издержек на функционирование такого механизма. Об этом ясно писал Дж. Марголис более полувека назад: Самуэльсон «утверждает, что коллективные блага не рационализируются, – что использование блага [индивидом] А не налагает какие-либо издержки на [индивида] В. Ясно, что это не выполняется в случае таких общих услуг, предоставляемых государством, как образование, госпитали, скоростные автодороги, чьи ограниченные мощности – это темы ежедневной прессы. Верно ли это для более суверенных [для государства] функций правосудия и полиции? Напряженный календарь судебных заседаний определенно говорит о том, что использование этой функции А делает ее менее доступной для В...» (Margolis, 1955. P. 347). Что касается неисключаемости норм из использования, то существование тайных обрядов, к которым не допускаются непосвященные, является простым доказательством обратного. О том же свидетельствует и массовая практика ограничений следования некоторым правилам неграждан того или иного государства.

Обратимся теперь к риторическим вопросам Т. Коуэна, полагающего, что общественным благом является принуждение нормы к исполнению. Анализ современной литературы, посвященной проблематике так называемого «альтруистического наказания» (altruistic punishment, или costly punishment), дает все основания заключить, что участие в нем представляет собой *частное благо* добровольного гаранта, наказывающего нарушителя.

Убедительные свидетельства того, что «спусковым крючком» альтруистического наказания является *гнев*, испытываемый индивидом, сталкивающимся с нарушением какой-либо нормы, представлены в статье Э. Сайпа и др. (Seip et al., 2009). В ней не только дан обстоятельный обзор публикаций по данной теме, но и представлены результаты собственных экспериментов авторов с кооперативными играми, которые показали, что «в альтруистическом наказании важно не то, насколько другие нарушают норму или насколько нечестными воспринимаются такие нарушения, а то, насколько люди испытывают гнев по поводу этих нарушений» (Ibid. P. 194).

Если по поводу внутренних эмоциональных мотиваций, «запускающих» реакцию наказания, исследователи в целом согласны, что это гнев и боль, то относительно внешних стимулов (кроме прямого физического и нефизического ущерба) такого согласия нет. Здесь основными «конкурентами» выступают *желание избежать неравенства*, с одной стороны, и *стремление к взаимности* (как выгод, так и ущербов), с другой стороны. В этой связи интересны данные, представленные Н. Райхани и К. Маколифф (Raihani and McAuliffe, 2012), которые экспериментально показали, что люди наказывают нечестность, только когда она порождает *ощутимое неравенство*, а не из желания отплатить взаимностью: принимая решение о наказании, жертвы *сравнивают* собственные доходы с доходами нечестных партнеров. С нашей точки зрения, из этих наблюдений нельзя сделать однозначных выводов, поскольку важна еще и различимость ущерба от нечестности: если ущерб невелик, т. е. неразличим на фоне общих доходов, то издержки наказания могут лишь еще увеличить его, поэтому вполне рационально его просто *забыть*. Если же причиненный ущерб велик, то наказание вполне может оказаться следствием стремления к взаимности.

В этой связи не вызывают удивления выводы А. Лайббрандта и Р. Лопес-Переса о том, что в проведенных ими экспериментах наибольшая доля игроков в своих решениях о наказании и вознаграждении руководствовалась *смесью* стимулов избегания неравенства и стремления к взаимности, и лишь небольшая часть – каким-то одним из них (Leibbrandt and López-Pérez, 2011).

Неточно трактуя институты как общественные блага, некоторые авторы говорят о существовании феномена «недопроизводства институтов» (см., например, (Шаститко, 1997. С. 79–81)). Как представляется, такая постановка является, – если воспользоваться биологической терминологией, – *химерой*, т. е. объектом с сочетанием свойств, принадлежащих различным «видам», – в нашем случае, разным теоретическим подходам. Представления о недопроизводстве общественных благ связаны с предпосылкой существования некоторого идеального оптимума их поставки, с которым сравнивается фактический объем общественных благ. В рамках же (новой) институциональной экономической теории существование такого идеала не предполагается, в ней сравниваются реально осуществимые варианты (дискретные институциональные альтернативы). Поэтому вопрос о том, каков идеальный «объем» институтов, по отношению к которому они «недопроизводятся», в этой теории просто не ставится, и более того, *не может быть поставлен*, если не нарушать ее собственные предпосылки.

Подводя итог, можно заключить, что *корректной* трактовкой институтов была бы квалификация их как *клубных благ с насыщением* (congested club goods), а принуждения к исполнению

неформальных институтов – как *социально-значимого блага* (merit good), т. е. частного блага со значительными внешними эффектами.

Почему я считаю, что эти уточнения являются не чистым буквоедством, а необходимым элементом корректного преподавания институциональной экономики? Если преподаватель считает, что институциональная экономика как часть современной экономической теории – это строгая наука, а не *story-telling* (М. Алле), не требующее четкости и однозначности определений, то предлагаемое уточнение позволяет это наглядно продемонстрировать. Если же преподаватель полагает, что под именем институциональной экономики скрывается набор неясных представлений, лишенных достаточной научной обоснованности, полный приблизительных метафор и не требующий при его изложении учащимся какой-либо строгости, он, разумеется, может продолжать произносить в аудитории неверные утверждения.

Что такое принцип методологического индивидуализма?

Принцип методологического индивидуализма упоминается и обсуждается в большом числе различных учебно-методических материалов по институциональной экономике, доступных в интернете. Если в ряде из них предлагается его вполне корректная трактовка¹, то в других читатель может познакомиться с достаточно фантастическими версиями. Так, в глоссарии рабочей учебной программы дисциплины «Институциональная экономика» можно прочесть следующее определение: **«Методологический индивидуализм (methodological individualism)** – аналитический прием, использующийся в современной экономической теории, определяющий экономических агентов как рациональных, автономных и равноправных» (Суворова, не датировано. С. 8). В учебно-методическом пособии по институциональной экономике в разделе «Самостоятельная работа студента (контрольные тесты)» предполагается, что верный ответ на вопрос «19. Методология анализа неоклассиков» должен звучать так: «Методологический индивидуализм – объяснение институтов через потребность индивидов в существовании рамок, структурирующих их взаимодействия в различных сферах» (Головенкин, 2013. С. 9). Дословно это же утверждение, но уже как определение, дается в Учебно-методическом комплексе дисциплины ГСЭ.Р.03. Институциональная экономика (Долматова, 2013. С. 27). По мнению Е.В. Рошупкиной, методологический индивидуализм – это прием экономического анализа, восходящий к А.Смиту, предполагающий единственным мотивом «экономического человека» стремление к богатству (Рошупкина, 2010. С. 40).

Своеобычная логика прослеживается в изложении данной проблематики в курсе лекций по институциональной экономике Я.И. Кузьмина и М.М. Юдкевич. На с. 16 авторы представляют «Поведенческие предпосылки неоклассической модели общего равновесия», в числе которых называют «Б) ИНДИВИДУАЛИЗМ. Индивид всегда преследует свою собственную, а не чью-то иную выгоду, свои собственные, а не навязанные ему извне цели. В теории игр эта модель называется моделью «простого рационального некооперативного поведения». Изначально люди некооперативны, они не стараются заботиться друг о друге или об общественном благе, им это не присуще. Необходимость заботы друг о друге им надо доказать, и тогда они будут делать это сознательно». На с. 18 авторы начинают критиковать эти предпосылки, причем на с. 21 «индивидуализм» загадочно трансформируется в «методологический индивидуализм», критику которого авторы проводят следующим образом: «В принципе, методологический индивидуализм отрицается историей. Существует огромная литература, неопровержимо доказывающая, что большинство людей на протяжении истории очень часто заботилось не о своих собственных интересах, а о процветании своего города, благосостоянии своей общины, своего сеньора, иногда даже жертвуя жизнью» (Кузьмин, Юдкевич, 2002. С. 21). Какое это имеет отношение к методологическому индивидуализму – можно лишь гадать...

Еще более нетривиальная контаминация имеет место в учебном пособии по институциональной экономике Т.А. Завьяловой: «**Методологический индивидуализм** – прием, который говорит о том, что все анализируемые вещи складываются под действием индивидов (экономические агенты, фирмы).

В принципе, методологический индивидуализм отрицается историей. Существует множество трудов, неопровержимо доказывающих, что большинство людей на протяжении истории очень часто заботилось не о своих собственных интересах, а о процветании своего города, благосостоянии своей общины, своего сеньора, иногда даже жертвуя жизнью» (Завьялова, 2010. С. 7). Как очевидно

¹ Например: «Методологический индивидуализм – базовый экономический принцип современной неоклассической теории: все действия и влияния в экономике представляют собой прерогативу индивидуального выбора» (Устюжанина и др., 2014. С. 29).

ный факт заботы многих людей не только о себе, но и о других, может отрицать то, что экономические феномены «складываются под действием индивидов», понять может, вероятно, только автор приведенной цитаты...

Что же собой в действительности представляет принцип методологического индивидуализма (далее для краткости – ПМИ)? Для того чтобы понять это, достаточно обратиться «к истокам» – работам М. Вебера, сформулировавшего этот принцип².

Суть ПМИ раскрывается М. Вебером следующим образом: обсуждая социальные феномены, мы часто говорим о различных «социальных общностях, таких как государства, ассоциации, корпорации и фонды, как если бы они были индивидуальными личностями» (Weber, 1968. P. 13), утверждая, что они строят планы, осуществляют действия, страдают от потерь и т. п. С точки зрения ПМИ все подобные выражения – не более чем метафоры, и «в социологических исследованиях все такого рода общности должны трактоваться исключительно как результаты и способы организации частных действий индивидуальных личностей, поскольку только последние могут трактоваться как агенты в плане субъективно понимаемого действия» (Там же). Таким образом, кратко говоря, ПМИ – принцип, в соответствии с которым единственным субъектом действий, создателем целей, носителем потребностей и интересов является индивид.

При этом вопрос о том, каковы эти цели, интересы и потребности, имеют ли они чисто эгоистический характер, или включают в себя альтруистические устремления, ориентированы они на кооперацию или на конфликт, имеют чисто материальный или сугубо духовный характер, – это содержательный, а не методологический вопрос. Как показывает жизнь, все люди очень разные, и рядом с эгоистами живут альтруисты, а рядом с потребителями и стяжателями «материальных благ» – аскетические творцы благ духовных, и т. д.

Методологический индивидуализм – не об этом, он предполагает, что следующий этому принципу исследователь будет изучать именно людей и их действия, не заменяя человека на надличностные структуры и системы. Последние также, конечно, должны исследоваться, но как результаты предшествующих и текущих индивидуальных действий, а не как нечто, не зависящее от людей, как самодовлеющие сущности, имеющие к тому же, по мнению ряда авторов, свои собственные, – внечеловеческие, – цели, интересы и потребности.

Критики ПМИ зачастую объявляют его «редукционизмом» (или «атомизмом»), якобы отрицающим само существование надличностных структур и систем, не учитывающим их влияния на индивидуальные действия и предшествующие им решения. Для того чтобы понять полную надуманность таких обвинений, достаточно привести несколько положений сторонников ПМИ. Так, Л. фон Мизес писал: «Прежде всего, мы должны осознать, что все действия производятся индивидами. Коллективное всегда проявляется через одного или нескольких индивидов, чьи действия относятся к коллективному как ко вторичному источнику. Характер действия определяется смыслом, который придают ему действующие индивиды и все те, кого затрагивают их действия» (Мизес, 2005. С. 43). Согласно Дж. Бьюкенену, методологический индивидуализм – такой подход к анализу, при котором «люди рассматриваются... как единственные субъекты, принимающие окончательные решения по поводу как коллективных, так и индивидуальных действий» (Бьюкенен, 1997. С. 39). Достаточно ясно формулирует ту же позицию и К. Поппер: «Институты не действуют; действуют только отдельные личности в институтах или через институты. Общая ситуационная логика этих действий будет теорией квазидействий институтов» (Поппер, 2000. С. 312–313). С точки зрения Р. Будона, «принципы, разработанные школой немецкой классической социологии (Вебер, Зиммель), в целом обозначаются определением «методологический индивидуализм»... Они не исключают использования и не несут в себе никакой отдельной «микросоциологической модели»... В соответствии с этими принципами цель заключается в объяснении поведения субъекта в его собственной ситуации, в объяснении его действий или, говоря точнее, адаптивной ценности последних. С другой стороны, данные принципы ни в коей мере не предполагают атомизации, поскольку они никоим образом не исключают анализа таких феноменов, как влияние и авторитет, а также поскольку они требуют объяснять поведение актора лишь в конкретной ситуации, которая частично определяется макросоциологическими переменными» (Будон, 1998. С. 71).

² Как свидетельствует Л. Уден, термин «*methodische Individualismus*» был впервые введен студентом М. Вебера Й. Шумпетером в его работе 1908 г. «Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie» («Сущность и основное содержание теоретической национальной экономики») (Uden, 2001. P. 214). Первое использование англоязычного термина «*methodological individualism*» опять-таки принадлежит Шумпетеру (Schumpeter, 1909). Тем не менее теоретическая разработка этого принципа составляет заслугу Вебера (Weber, 1968), и Шумпетер, вводя и используя этот термин, ссылается именно на воззрения Вебера.

Казалось бы, приведенные положения не оставляют места для произвольных трактовок ПМИ: это и не предпосылка «всеобщего эгоизма», и не «атомизм». Тем не менее и критика, и поиски «третьего пути» – между ПМИ и методологическим холизмом (коллективизмом) – упорно продолжают-ся. При этом создается впечатление, что критики и искатели не просто не читали того, что пишут упомянутые (и многие другие) сторонники ПМИ, но специально создают себе *собственные образы* ПМИ, с одной стороны, *далекие от реальности*, но с другой – *удобные для критики*. Очевидно, такой подход в научной полемике – создание не существующего в реальности «образа врага», которого легко оборотить, – не делает чести его сторонникам. Если же такая логика переносится в учебный процесс, возникает и дополнительная негативная экстерналиа: учащимся, которые только знакомятся с содержанием ПМИ, прививается не только ложное представление о нем самом, но также косвенно демонстрируется *допустимость некорректной критики*.

Завершая анализ, хочу выразить надежду на то, что эти заметки окажутся полезными преподавателям, читающим курсы институциональной экономики и готовящим их учебно-методическое обеспечение в вузах нашей страны.

ЛИТЕРАТУРА

- Будон Р. (1998). Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М.: Аспект Пресс.
- Бьюкенен Д. (1997). Избранные труды. М.
- Головенкин Д.А. (2013). Институциональная экономика: учебно-методическое пособие. Киров: ПРИП ФГБОУ ВПО «ВятГУ» (www.vyatsu.ru/uploads/file/1306/institucionalnaya_ekonomika.doc).
- Данилова Е.П. (2013). Институциональная экономика. Учебно-методический комплекс. Тюмень (<https://www.umk.utmn.ru/files/0000040374.doc>).
- Долматова Е.В. (2013). Институциональная экономика. Учебно-методический комплекс. Мурманск: ФГБОУ ВПО «МГГУ» (<http://www.100-edu.ru/doc/6822/index.html>).
- Завьялова Т.А. (2010). Институциональная экономика: учебное пособие. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ (http://www.lib.susu.ac.ru/ftd?base=SUSU_METHOD&key=000448568&dtype=F&type=.pdf).
- Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. (2002). Институциональная экономика: Курс лекций. М.: МФТИ (<http://window.edu.ru/resource/070/39070/files/mipt017.pdf>).
- Мизес Л. фон. (2005). Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. Челябинск: Социум.
- Полищук Л.И., Борисова Е.И. (2012). Программа дисциплины «Институциональная экономика» для направления 040100.62 «Социология» подготовки бакалавра. М.: ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Факультет социологии (<http://5fan.info/jgemernnaotrbeowotr.html>).
- Поппер К.Р. (2000). Логика социальных наук / В кн.: Садовский В.Н. (общ. ред.) Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики. М.: Эдиториал УРСС, 464 с.
- Рощупкина Е.В. (2010). История экономической мысли: взгляд через века. Учебно-методический комплекс. Иркутск: Изд-во БГУЭП (<http://mo.isea.ru/Studentam/Uchebnye-posobija>).
- Смирнова Е.А. (2012). Институциональная экономика: программа курса и учебно-методические рекомендации. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 44 с.
- Суворова Т.В. (Не датировано). Институциональная экономика: учебная программа. Дубна: Университет Российской академии образования (www.dubna-urao.ru/images/data/gallery/14_6577_ekonomika.doc).
- Тамбовцев В.Л. (2004). Новая институциональная экономическая теория: проблемы преподавания // *Terra Economicus*, т. 2, вып. 2, с. 27–39.
- Устюжанина Е.В., Дементьев В.Е., Евсюков С.Г., Петров А.Г. (2014). Институциональная экономика. Рабочая программа учебной дисциплины. М.: ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова» ([old.rea.ru/.../ПП%20Институциональная%20экономика%20\(8\).docx](http://old.rea.ru/.../ПП%20Институциональная%20экономика%20(8).docx)).
- Шаститко А. (1996). Институты как общественные блага // *Вестник МГУ*, Серия 6. «Экономика», № 5, с. 37–43.
- Шаститко А. (1997). Условия и результаты формирования институтов // *Вопросы экономики*, № 3, с. 76–81.
- Buchanan J.M. (1976). Public Goods and Natural Liberty / In: Wilson T. and Skinner A.S. (eds.) *The Market and the State. Essays in Honour of Adam Smith*. Oxford: Clarendon Press, pp. 271–286.

Cornell S. and Kalt J.P. (1990). Pathways from Poverty: Economic Development and Institution-Building on American Indian Reservations // *American Indian Culture and Research Journal*, vol. 14, no. 1, pp. 89–125.

Cornell S. and Kalt J.P. (1992). Culture and Institutions as Public Goods: American Indian Economic Development as a Problem of Collective Action / In: *Anderson T.L. (ed.) Property Rights and Indian Economies*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, pp. 215–252.

Cowen T. (2002). The esteem theory of norms // *Public Choice*, vol. 113, pp. 211–224.

Elsner W. (1989). Adam Smith's Model of the Origins and Emergence of Institutions: The Modern Findings of the Classical Approach // *Journal of Economic Issues*, vol. 23, no. 1, pp. 189–213.

Leibbrandt A. and López-Pérez R. (2011). Individual Heterogeneity in Punishment and Reward // *Working Papers in Economic Theory* no. 2011/01. Spain, Madrid: Universidad Autónoma de Madrid, Department of Economic Analysis.

Margolis J. (1955). A Comment on the Pure Theory of Public Expenditure // *Review of Economics and Statistics*, vol. 37, no. 4, pp. 347–349.

Posner R.A. and Rasmusen E.B. (1999). Creating and Enforcing Norms, with Special Reference to Sanctions // *International Review of Law and Economics*, vol. 19, is. 3, pp. 369–382.

Raihani N.J. and McAuliffe K. (2012). Human punishment is motivated by inequity aversion, not a desire for reciprocity // *Biology Letters* (doi:10.1098/rsbl.2012.0470).

Schumpeter J. (1909). On the Concept of Social Value // *Quarterly Journal of Economics*, vol. 23, no. 2, pp. 213–232.

Seip E.C., van Dijk W.W. and Rotteveel M. (2009). On Hotheads and Dirty Harries: The Primacy of Anger in Altruistic Punishment // *Annals of the New York Academy of Sciences*, vol. 1167, pp. 190–196.

Udehn L. (2001). *Methodological Individualism: Background, History and Meaning*. London: Routledge.

Weber M. (1968). *Economy and Society*. Berkeley: University of California Press (<http://anthropos-lab.net/wp/wp-content/uploads/2011/12/Weber-Basic-Sociological-Terms.pdf>).

REFERENCES

Boudon R. (1998). Place of Disorder. Critics of Social Change Theories [Mesto besporyadka. Kritika teorii sotsialnogo izmeenniya]. Moscow: Aspect-Press. (In Russian.)

Buchanan J. (1997). *Selectas [Izbrannye trudy]*. Moscow. (In Russian.)

Danilova E.P. (2013). Institutional economics: Manual. Tumen (<https://www.umk.utmn.ru/files/0000040374.doc>). (In Russian.)

Dolmatova E.V. (2013). Institutional economics: Manual [Institutsionalnaya ekonomika: uchebno-metodicheskiy kompleks]. Murmansk: Murmansk State Pedagogical University Publ. (<http://www.100-edu.ru/doc/6822/index.html>). (In Russian.)

Golovenkin D.A. (2013). Institutional economics: Manual [Institutsionalnaya ekonomika: uchebno-metodicheskoe posobie]. Kirov: Vyatka State University (VyatSU) Publ. (www.vyatsu.ru/uploads/file/1306/institutsionalnaya_ekonomika.doc). (In Russian.)

Kuzminov Ya.I. and Yudkevich M.M. (2002). Institutional economics: Lectures Course [Institutsionalnaya ekonomika: kurs lektsiy]. Moscow: Moscow Institute of Physics and Technology State University (MIPT) Publ. (<http://window.edu.ru/resource/070/39070/files/mipt017.pdf>). (In Russian.)

Mises L., von. (2005). *Human Action*. Chelyabinsk: Socium. (In Russian.)

Polischuk L.I. and Borisova E.I. (2012). Institutional Economics: Syllabus [Programma distsipliny «Institutsionalnaya ekonomika»]. Moscow: National Research University «Higher School of Economics» Publ. (<http://5fan.info/jgemerrnaotrbeotr.html>). (In Russian.)

Popper K.R. (2000). Logic of Social Sciences [Logika sotsialnykh nauk] / In: *Sadovskiy V.N. (ed.) Evolutional Epistemology and Logic of Social Sciences: Karl Popper and his Critics [Evolutsionnaya epistemologiya i logika sotsialnykh nauk. Karl Popper i ego kritiki]*. Moscow: Editorial URSS Publ., 464 p. (In Russian.)

Roschupkina E.V. (2010). History of Economic Thought: Look down the Ages [Istoriya ekonomicheskoi mysli: vzglyad cherez veka]. Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law Publ. (<http://mo.isea.ru/Studentam/Uchebnye-posobija>). (In Russian.)

Shastitko A. (1996). Institutions as public goods [Instituty kak obchshestvennye blaga]. Moscow State University Bulletin: Economics, is. 5, pp. 37–43. (In Russian.)

Shastitko A. (1997). Conditions and results of institutions formation [Usloviya i rezultaty formirovaniya institutov]. *Voprosy Ekonomiki*, is. 3, pp. 76–81. (In Russian.)

Smirnova E.A. (2012). Institutional economics: Syllabus and learning aids [Institutsionalnaya ekonomika: programma kursa i uchebno-metodicheskie rekomendatsii]. Ryazan: Ryazan State University named after S.A. Esenin Publ., 44 p. (In Russian.)

Suvorova T.V. (Undated). Institutional Economics: Syllabus [Institutsionalnaya ekonomika: uchebnaya programma]. Dubna: University of the Russian Academy of Education Publ. (www.dubna-urao.ru/images/data/gallery/14_6577__ekonomika.doc). (In Russian.)

Tambovtsev V.L. (2004). New institutional economics: problems of teaching // *Terra Economicus*, vol. 2, no. 2, pp. 27–39. (In Russian.)

Ustyuzhanina E.V., Dementev V.E., Evsyukov S.G. and Petrov A.G. (2014). Institutional Economics: Syllabus [Institutsionalnaya ekonomika. Rabochaya programma uchebnoy distsipliny]. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics Publ. ([old.rea.ru/.../PII%20Институциональная%20экономика%20\(8\).docx](http://old.rea.ru/.../PII%20Институциональная%20экономика%20(8).docx)). (In Russian.)

Zavyalova T.A. (2010). Institutional economics: Manual. Chelyabinsk: National Research South Ural State University Publishing Center (http://www.lib.susu.ac.ru/ftd?base=SUSU_METHOD&key=000448568&dtype=F&etype=.pdf). (In Russian.)

Buchanan J.M. (1976). Public Goods and Natural Liberty / In: *Wilson T. and Skinner A.S. (eds.) The Market and the State. Essays in Honour of Adam Smith*. Oxford: Clarendon Press, pp. 271–286.

Cornell S. and Kalt J.P. (1990). Pathways from Poverty: Economic Development and Institution-Building on American Indian Reservations // *American Indian Culture and Research Journal*, vol. 14, no. 1, pp. 89–125.

Cornell S. and Kalt J.P. (1992). Culture and Institutions as Public Goods: American Indian Economic Development as a Problem of Collective Action / In: *Anderson T.L. (ed.) Property Rights and Indian Economies*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, pp. 215–252.

Cowen T. (2002). The esteem theory of norms // *Public Choice*, vol. 113, pp. 211–224.

Elsner W. (1989). Adam Smith's Model of the Origins and Emergence of Institutions: The Modern Findings of the Classical Approach // *Journal of Economic Issues*, vol. 23, no. 1, pp. 189–213.

Leibbrandt A. and López-Pérez R. (2011). Individual Heterogeneity in Punishment and Reward // *Working Papers in Economic Theory* no. 2011/01. Spain, Madrid: Universidad Autónoma de Madrid, Department of Economic Analysis.

Margolis J. (1955). A Comment on the Pure Theory of Public Expenditure // *Review of Economics and Statistics*, vol. 37, no. 4, pp. 347–349.

Posner R.A. and Rasmusen E.B. (1999). Creating and Enforcing Norms, with Special Reference to Sanctions // *International Review of Law and Economics*, vol. 19, is. 3, pp. 369–382.

Raihani N.J. and McAuliffe K. (2012). Human punishment is motivated by inequity aversion, not a desire for reciprocity // *Biology Letters* (doi:10.1098/rsbl.2012.0470).

Schumpeter J. (1909). On the Concept of Social Value // *Quarterly Journal of Economics*, vol. 23, no. 2, pp. 213–232.

Seip E.C., van Dijk W.W. and Rotteveel M. (2009). On Hotheads and Dirty Harries: The Primacy of Anger in Altruistic Punishment // *Annals of the New York Academy of Sciences*, vol. 1167, pp. 190–196.

Udehn L. (2001). Methodological Individualism: Background, History and Meaning. London: Routledge.

Weber M. (1968). *Economy and Society*. Berkeley: University of California Press (<http://anthropos-lab.net/wp/wp-content/uploads/2011/12/Weber-Basic-Sociological-Terms.pdf>. Accessed June 8, 2015).